

М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь.

I.

Гоголь познакомился съ Щепкинымъ въ пору первого, могучаго разцвѣта своего гения. «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» уже разнесли въ московскомъ обществѣ вѣсть о «новомъ поэтѣ малороссѣ», еще скрывавшемъ свое имя отъ публики подъ псевдонимомъ «Рудаго Паньки» ¹⁾. Въ 1831-мъ году въ Москвѣ, даже въ литературныхъ кружкахъ не знали настоящей фамилии сочинителя «Вечеровъ». С. Т. Аксаковъ въ своей «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ» рассказываетъ: «Погодинъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, провѣдалъ тамъ, кто такой былъ «Рудый Панько», познакомился съ нимъ и привезъ намъ извѣстіе, что Диканьку написалъ Гоголь-Яновскій. Итакъ, это имя было уже намъ извѣстно и дорого» ²⁾. Въ первыхъ числахъ іюля 1832 года ³⁾ Гоголь, уже принятый въ литературный кружокъ Жуковского и Пушкина ³⁾, пріѣхалъ въ первый разъ въ Москву: онъ отправлялся погостить на родинѣ. На обратномъ пути изъ Малороссіи въ Петербургъ Гоголь снова остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ: онъ пріѣхалъ сюда 15 октября и въ первыхъ числахъ ноября былъ уже въ Петербургѣ. Въ одну изъ этихъ остановокъ въ Москвѣ Гоголь познакомился съ Щепкинымъ. Полагаемъ, что это знакомство завязалось въ первый пріѣздъ Гоголя въ Москву, когда онъ пробылъ здѣсь болѣе продолжительное время, чѣмъ во второй пріѣздъ, и когда онъ познакомился съ московскими литераторами, работавшими для театра — С. Т. Аксаковымъ и М. Н. Загоскинымъ. Щепкинъ только въ концѣ іюня этого года возвратился изъ Петербурга, гдѣ онъ гастролировалъ на *Новомъ*

театрѣ съ 25-го мая. Несомнѣнно, что Гоголь видѣлъ игру Щепкина на петербургскомъ театрѣ и тогда же оцѣнилъ его великій сценическій талантъ. Пріѣхавши въ Москву, онъ поспѣшилъ явиться къ своему знаменитому земляку. Сохранился разсказъ о первомъ свиданіи Гоголя съ Щепкинымъ, записанный со словъ одного изъ сыновей послѣдняго. Приводимъ небольшой отрывокъ изъ этого разсказа: «Не помню, какъ-то на обѣдъ къ отцу собралось человекъ двадцать пять, — у насъ всегда много собиралось: столъ по обыкновенію накрытъ былъ въ залѣ; дверь въ переднюю, для удобства прислуги, была отворена настежь. Въ серединѣ обѣда вошелъ въ переднюю новый гость, совершенно намъ незнакомый. Пока онъ медленно раздвѣвался, всѣ мы, въ томъ числѣ и отецъ, оставались въ недоумѣніи. Гость остановился на порогѣ въ залу и, окинувъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ, проговорилъ слова всѣмъ извѣстной малороссійской пѣсни:

Ходить гарбузь по городу,
Пытается своего роду;
Ой, чи живы, чи здоровы
Вси родичи гарбузовы?

Недоумѣніе скоро разъяснилось — нашимъ гостемъ былъ Гоголь» ⁴⁾.

Такъ встрѣтились въ первый разъ два художника, которыхъ, повидимому, раздѣляло несходство лѣтъ, положенія, характера, но которые въ то время, независимо одинъ отъ другаго, поворачивали на новую дорогу и которые на этой дорогѣ скоро подали другъ другу руки, чтобы работать во имя одной общей цѣли.

Щепкинъ, въ описываемое время, уже имѣлъ за собою двадцатипятилѣтній сценическій опытъ: онъ вѣрилъ въ свой художественный идеалъ и зналъ, чего добивался на сценѣ.

¹⁾ Русь 1830 г. № 4, стр. 16.

²⁾ Сочиненія Гоголя, изд. десятое, I, 561. Въ ссылки сдѣланы на это изданіе.

³⁾ Ср. письмо Гоголя къ Данилевскому, отъ 2-го ноября 1831 г., въ изданіи г. Кулиша: «Сочиненія и письма Гоголя» V, 139.

⁴⁾ «Русская Старина», 1872 г., февраль, стр. 282—283; «Библиотека для Чтенія» 1864, № 2, стр. 7.

Лозунгомъ его сценической дѣятельности давно сдѣлалась «естественность». Онъ былъ уже глубоко убѣжденъ, что «искусство настолько высоко, насколько близко къ природѣ»¹⁾. Въ тридцатыхъ годахъ текущаго вѣка «естественность» начинала на московскомъ театрѣ замѣтно подрывать традиціи старой сценической школы, лучшимъ представителемъ которой былъ еще въ началѣ столѣтія старикъ И. А. Дмитревскій. Но самъ Щепкинъ болѣзненно чувствовалъ недостатокъ такого репертуара, который давалъ бы ему возможность вмѣстѣ съ тогдашними актерами укрѣплять на московской сценѣ простоту и естественность игры. Въ первые годы третьяго десятилѣтія текущаго вѣка талантъ Щепкина тратился больше на мелочи. Правда, онъ имѣлъ нѣсколько «классическихъ» ролей въ комедіяхъ Мольера, нерѣдко передѣланныхъ «на русскіе нравы», согласно вкусу времени; но типы этихъ комедій были не наши, не родные артисту и дѣйствовали въ обстановкѣ чужой жизни. Репертуаръ Щепкина до 1832 года состоялъ преимущественно изъ «комедій» Шаховскаго и Загоскина, — «веселыхъ», можетъ быть, но не глубокихъ по содержанію, почти всегда вращавшихся въ очарованномъ кругу большого свѣта и все еще не отрѣшившихся вполне отъ преданій французскаго псевдоклассицизма. Только въ 1831-мъ году представлена была «въ цѣльномъ видѣ» комедія Грибоѣдова: «Горе отъ ума». Важное мѣсто въ репертуарѣ Щепкина занимали, до 1832 года, комедіи и водевилы Скриба и его сотрудниковъ и подражателей. Эти комедіи интриги переводились или передѣлывались молодымъ «другомъ» Щепкина — остроумнымъ куплетникомъ А. И. Писаревымъ. Русскіе актеры тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія поневолѣ учились изображать на сценѣ французскую буржуазію, а не русскихъ людей. Петербургскіе актеры при первомъ представленіи «Горя отъ ума» (26 января 1831 года) обнаружили полную свою несостоятельность передъ лицомъ этого великаго произведенія; на московской сценѣ комедія Грибоѣдова шла лучше, но лишь въ немногихъ роляхъ. Въ Петербургѣ съ ролью Чацкаго не сдѣлалъ воспитанный на ложно-классическихъ піесахъ Каратыгинъ I-й, или, какъ тогда писали, «большой». Въ «Сѣверной Пчелѣ» разборъ игры петербургскихъ актеровъ посвящена была небольшая статья подъ заглавіемъ: «Письмо изъ Москвы». О русской драматической труппѣ Петербурга въ этой статьѣ высказано было слѣдующее справедливое замѣчаніе: «Ваша труппа (говоритъ авторъ «Письма изъ Москвы») возмѣлѣйна знаменитыми французскими труппами, бывшими въ Петербургѣ съ 1746

до 1812 года. Слѣдовательно почти семьдесятъ лѣтъ являлись на сценѣ одинаковые образцы, одни и тѣ же наставники-руководители русскихъ талантовъ: Офренъ, Флоридоръ, Гюсъ, Ларошъ, Дюкруаси, Вальвиль были прототипами, по коимъ вылились Яковлевы, Каратыгины, Семеновы, Вальберховы и множество другихъ. Послѣ этого можно ли дивиться тому, что русскій, Москвичъ XIX столѣтія, непостижимый для иностранцевъ Чацкій былъ равномѣрно непостижимъ для г. Каратыгина»¹⁾. Гоголь, хорошо знакомый съ состояніемъ русской драматической сцены Петербурга въ началѣ тридцатыхъ годовъ, указываетъ и другую, болѣе важную, причину сценическаго безилія тогдашнихъ артистовъ — отсутствіе русскаго, своего репертуара. Въ 1835 году онъ набрасываетъ въ свою записную книгу²⁾ такія мысли о русскихъ актерѣхъ того времени: «Всеобщія жалобы на недостатокъ таланта въ актерѣхъ. Но гдѣ же развиться талантамъ? На чемъ развиться? Развѣ попадается имъ хоть одно лицо *русское*, которое могли бы они живо представить себѣ? Кого играютъ наши актеры? Какихъ-то нехристей, — людей не французовъ и не нѣмцевъ, но Богъ знаетъ кого — какихъ-то взбаломненныхъ людей (иначе трудно назвать героевъ мелодрамы), не имѣющихъ рѣшительно никакой опредѣленной страсти, а тѣмъ болѣе видной физиогноміи. Не странно ли? Тогда, какъ мы больше всего говоримъ теперь объ *естественности*, намъ, какъ нарочно, подаютъ подъ носъ верхъ уродливости. *Русскаго* мы просимъ! *Своего* давайте намъ! Что намъ французы и весь заморскій людъ! Развѣ мало у насъ нашего народа? Русскихъ характеровъ! Своихъ характеровъ! Давайте насъ самихъ! Давайте намъ *нашихъ* плутовъ, которые тихомолкомъ употребляютъ во зло благо, изливаемое на насъ правительствомъ нашимъ, которые превратно толкуютъ наши законы, которые, подъ личіюю кротости, подъ рукою дѣлаютъ дѣлишки не совѣмъ кроткія. Изобразите намъ *нашего* честнаго, прямаго человѣка, который среди несправедливостей, ему наносимыхъ, остается неколебимъ въ своихъ положеніяхъ... Бросьте долгій взглядъ во всю длину и ширину нашей раздольной Россіи³⁾: сколько есть у насъ добрыхъ людей, но сколько есть и плевель, отъ которыхъ житья нѣтъ добрымъ и за которыми не въ силахъ слѣдить никакой законъ! На сцену ихъ! Пусть видятъ ихъ весь народъ! Пусть посмѣется имъ! О, смѣхъ

¹⁾ Сѣверная Пчела 1831 г., № 79.

²⁾ Записная книга, изъ которой заимствованъ этотъ отрывокъ, принадлежала И. С. Аксакову; послѣ его смерти передана въ Московскій Публичный Музей.

³⁾ Слово „Россія“ пропущено въ наброскѣ.

¹⁾ Записки и письма Щепкина, стр. 126.

великое дѣло!» Вышее, образованное общество Петербурга посѣщало оперу и балетъ и оставляло драматическую сцену. Гоголь находить, что публика въ этомъ дѣлѣ была права: тогдашняя драматическая сцена не стоила того, чтобы предпочесть ее оперѣ или балету. «Что такое игралось на нашей сценѣ? (говорить Гоголь). — Мелодрама и водевилъ, эти незаконныя дѣти ума нашего децятнадцатаго столѣтія, совершенныя отступленія отъ природы, введшія множество мелкихъ несообразностей. Но какіе были эти водевили? Они были переводы съ французскаго. Въ Петербургѣ есть французскій театръ, и очень изрядный. Итакъ, кто же захочетъ смотрѣть французскую піесу въ переводѣ, играемую русскими актерами, не выдавшими французскаго общества, тогда какъ онъ можетъ на французскомъ театрѣ видѣть ту же самую въ оригиналѣ, игранную природными французами, которые и потому уже могутъ лучше выполнить свое дѣло, что имъ вовсе не стоитъ труда: во Франціи больше смѣшаны между собою сословія. — Итакъ, высшій классъ нашего общества былъ совершенно правъ, что оставлялъ русскую сцену: очень было почувствованъ этотъ недостатокъ оригинальности. Нѣсколько піесъ появилось оригинальныхъ; но какія были эти піесы? Эти піесы были — водевили. Русскій водевилъ! Это немножко смѣшно. Во-первыхъ, что эта легкая безцвѣтная игрушка могла родиться только у французской націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой фізіогноміи, если сказать сильно — національности. Но что же теперь вышло, когда настоящій русскій, да еще нѣсколько суровый и отличающійся своеобразною національною характеръ, съ своею тяжелою фигурою, началъ поддѣлываться подъ шарканье петиметра, и нашъ тучный, но сметливый и умный купецъ съ широкою бородою, не знававшій на ногѣ своей (ничего), кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ бы вмѣсто него узенькій башмачекъ и чулки à jour, а другую, еще лучше, оставилъ бы въ сапогѣ и сталъ бы въ первую пару во французскую кадрили? А вѣдь почти тоже наши національные водевили. Не смѣшно ли, напримѣръ, что русскій судья, которыхъ чрезвычайно много въ водевиляхъ, начинаетъ пѣть куплетъ въ обыкновенномъ разговорѣ? Въ французскомъ театрѣ мы прощаемъ эти выходы противъ естественности, ибо намъ извѣстно, что французскій судья — и танцоръ, и куплеты сочиняетъ, играетъ хорошо на фляжолетѣ, можетъ быть, даже рисуетъ въ альбомахъ. Но если начнетъ все это дѣлать нашъ уѣздный судья и облеченный такою грубою наружностью, съ какою обыкновенно его выставляютъ на нашихъ водевиляхъ, то... Судью заставляютъ пѣть! Да, если нашъ уѣздный судья запоетъ, то зрители такой услышать ревъ, что,

вѣрно, въ другой разъ и не покажутся въ театрѣ». Столь же строго относится Гоголь и къ мелодрамѣ. Въ тѣхъ же замѣткахъ онъ такъ характеризуетъ русскую мелодраму тридцатыхъ годовъ: «Мелодрама нынѣшняя есть никакъ не болѣе, какъ программа для балета: она говоритъ только, о чемъ должно идти дѣло, что такое есть въ піесѣ, а разрѣшать ее и создавать должны актеры сами...» «Главное въ мелодрамахъ (продолжаетъ Гоголь) — оглушить вдругъ чѣмъ-нибудь зрителей, хотя на одно мгновение; — что сильнѣе бросается въ глаза: каторга, убійство. Ими можно испугать и произвести судороги. Вся мелодрама состоитъ изъ убійствъ и преступленій, и между тѣмъ ни одно лицо не возбуждаетъ участія. Никогда еще не выходилъ зритель растроганный, въ слезахъ, — но въ какомъ-то растревоженномъ состояніи и пугливо садился въ свою карету, долго не могшии собрать и сообразить своихъ мыслей. Какое странное явленіе! Въ нашъ вѣкъ, когда во всякомъ обществѣ существуетъ число людей, исполненныхъ тонкаго, возвышеннаго вкуса, — и вдругъ такія зрѣлища, эффекты тѣ, которые дѣйствуютъ на грубую, черствую и притомъ притупленную площадною развратностью природу! Передвигаются передъ глазами тѣ кровавыя зрѣлища и боевыя ристалища, на которыя собиралась смотрѣть вся римская чернь... Но, слава Богу, мы еще не римляне, и не на закатѣ существованія, но только еще на зарѣ его стоимъ мы. Еще молодъ нашъ народъ и служить вѣчнымъ матеріаломъ для писателя, поражаемая его множествомъ разнообразныхъ степеней образованія; и всѣ стихіи нашего государства — стихіи могущества и юности»¹⁾. Въ такихъ чертахъ представлялось Гоголю состояніе петербургской драматической сцены! такова была та школа, въ которой воспитывались петербургскіе актеры тридцатыхъ годовъ!

Московская драматическая труппа, не испытывавшая сильнаго и продолжительнаго непосредственнаго вліянія французскихъ артистовъ, питалась въ тридцатыхъ годахъ тѣмъ же репертуаромъ водевилей, мелодрамъ и комедій Шаховскаго и Загоскина. Сценическая карьера Щепкина въ Москвѣ началась водевилями. Въ первый годъ поступленія на московскую сцену Щепкинъ игралъ роль повара Суфле въ комедіи-водевилѣ Скриба и Мелезвиля: «Секретарь и поваръ», переведенной съ французскаго П. Н. Араповымъ. Піеса эта представлена была въ первый разъ на Императорскомъ московскомъ театрѣ, «въ пользу Дансерки г-жи Глушковской», 22 ноября 1823 года. Издавая свой водевилъ въ 1825 году, переводчикъ приложилъ къ нему портретъ М. С. Щепкина, пред-

1) Изъ той же записной книги Гоголя. Ср. также „Сочиненія Гоголя“ V, 511—514.

пославши піесѣ слѣдующее предувѣдомленіе: «Недѣльная бездѣлка: «Секретарь и поварь», обязана большею частію своего успѣха прелестной игрою актера Московскаго театра *Михайла Семеновича Щепкина*; она выходитъ въ свѣтъ съ его портретомъ, для изъявленія ему моею благодарности. Не смѣю отвѣчать за сходство послѣдняго, но ручаюсь за то, что я не первый, котораго очаровалъ Щепкинъ своимъ талантомъ». Мы увидимъ вскорѣ, что это былъ не первый по времени портретъ Щепкина въ одной изъ водевильныхъ ролей. Въ теченіе 1824 года М. С. занималъ главные роли въ комедіяхъ и водевиляхъ, вновь передѣланныхъ или переведенныхъ съ французскаго. Такъ, 17 апрѣля 1824 г. Щепкинъ игралъ роль богатаго помѣщика Шумилова въ комедіи Лафона: «Невѣста трехъ жениховъ», переведенной съ французскаго актеромъ московскаго театра Барановымъ. Піеса Лафона не была новостью ни для русской литературы, ни для русской сцены: она «переведена была на російскій языкъ (подъ заглавіемъ: «Три брата солубовники») г. Свистуновымъ въ Санктпетербургѣ 1757 года въ ноябрѣ мѣсяца, представлена была въ первый разъ на придворномъ російскомъ театрѣ въ 1764 году августа 27 дня»¹⁾. Сумароковъ сдѣлалъ изъ нея комедію: «Три брата совмѣстники», которая «представляема была на російскихъ театрахъ»²⁾. Черезъ недѣлю, т. е. 24 апрѣля того же года, въ бенефисѣ Сабуровыхъ, представлено было: «Учитель и ученикъ, опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго А. И. Писаревымъ». Черезъ нѣсколько времени послѣ представленія эта піеса явилась въ печати съ портретомъ Щепкина и съ посвященіемъ водевиля Алябеву и Верстовскому. Въ посвященіи было объяснено, что «игра несравненнаго Щепкина *рышила устъхъ водевиля*, а прелестная музыка Алябева и Верстовскаго *одушевила его*». Въ этомъ водевилѣ Щепкинъ игралъ роль учителя *Шелмина*. 4 ноября того же года, въ бенефисѣ актера Сабурова, поставлены были двѣ новыя піесы А. И. Писарева: 1) «Хлопотунъ, или дѣло мастера боится», опера-водевиль, передѣланная съ французскаго (муз. Алябева и Верстовскаго и 2) «Наслѣдница», комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ, передѣланная съ французскаго. Въ той и другой піесѣ Щепкинъ исполнялъ главные роли: въ первой—Репейкина, пріятели богатаго помѣщика Радимова, во второй—графа Тонскаго. Въ «Драматическомъ Альбомѣ для любителей театра и музыки на 1826 годъ», изданномъ А. Писаревымъ и А. Верстовскимъ, появился портретъ Щепкина въ роли Репейкина: водевиль «Хло-

потунъ», по свидѣтельству С. Т. Аксакова, «принять былъ публикою съ восторгомъ. Щепкинъ въ роли хлопотуна былъ совершенствомъ»¹⁾. Въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ пребыванія на московской сценѣ Щепкинъ награжденъ былъ изданіемъ трехъ портретовъ его—въ водевильныхъ роляхъ. 9 апрѣля 1825 года представлена была опера-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ: «Забавы калифа, или шутки на одиѣ сутки», сочиненная А. И. Писаревымъ. Авторъ указалъ, что сюжетъ піесы «взятъ изъ арабскихъ сказокъ». Щепкинъ игралъ въ ней первую роль—башмачника Гассана. 8-го октября того же года дана была передѣланная Писаревымъ съ французскаго опера-водевиль *въ шести дѣйствіяхъ*: «Волшебный Носъ, или талисманы и финики». Щепкину снова пришлось разучивать роль «Бенальтона, дамасскаго паши». «Это былъ (замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ) пустой фарсъ, написанный для бенефиса Ворониной-Ивановой»²⁾. 27 декабря 1827 года Щепкинъ имѣлъ утѣшеніе выступить въ оригинальной русской комедіи: это была одна изъ «лучшихъ», по отзыву современныхъ театраловъ, піесъ Загоскина—«Благородный театр». Князь Шаховской даже называлъ ее «лучшею комедіею изъ всѣхъ второклассныхъ французскихъ, которыми прославились ихъ авторы»³⁾. Комедія «имѣла самый полный успѣхъ», и по словамъ С. Т. Аксакова, «вполнѣ стоила такого успѣха—не по мысли, которая не имѣла большой значительности и тогда, теперь же и совсѣмъ ее терять (кто въ 1852 году станетъ серьезно заниматься благородными спектаклями?... а тогда занимались ими серьезно)—но потому, что вся піеса исполнена такой неистощимой веселости, живости, естественности, до того проникнута комизмомъ характеровъ, положеній и рѣчей, написана такими прекрасными стихами, что, собственно въ этихъ отношеніяхъ, не имѣетъ себѣ равной»⁴⁾.

Такова была та сценическая школа, которую долженъ былъ проходить Щепкинъ въ первые годы своего пребыванія въ Москвѣ. Удивительно ли, что Щепкинъ, по словамъ Аксакова, въ это время «тосковалъ по Мольеру и вообще по ролямъ, требующимъ работы?»⁵⁾ И С. Т. Аксаковъ далъ Щепкину для двухъ его бенефисовъ двѣ комедіи Мольера: «Школу мужей» и «Скупаго». Первая піеса была *отчасти переложена на русскіе нравы*, «по существовавшему тогда варварскому обычаю» (замѣчаетъ Аксаковъ), но къ бенефису Щепкина была «по возможности исправлена». Переводъ «Скупаго»

¹⁾ Разныя Сочиненія С. Т. Аксакова, М. 1858, стр. 228.

²⁾ С. Т. Аксакова, Разныя Сочиненія, 229.

³⁾ Тамъ же, стр. 205.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 264—265.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 176.

¹⁾ Драматическій Словарь, М. 1787 г., стр. 144.

²⁾ Тамъ же.

также не отличался вѣрностью оригиналу, и въ Петербургѣ эта комедія, при игрѣ Щепкина, не имѣла успѣха ¹⁾.

Собираясь въ июнѣ 1831 года на гастроли въ Петербургъ, Щепкинъ посылаетъ Сосницкому слѣдующій перечень «лучшихъ» ролей своего репертуара: 1) «Благородный театръ» (комедія Загоскина)—роль Любскаго, 2) «Горе отъ ума» — Фамусова, 3) «Школа злословія» — Досажаева, 4) «Молодость Генриха» — капитана Кона, 5) «Урокъ старикамъ» — Данвила или Бопара, или въ разное время обоихъ, 6) «Ботъ» — Бота, 7) «Школа женщинъ» — Арнольфа, 8) «Скупой» — Гарпагона; водевили: 9) «Учитель и ученикъ», 10) «Секретарь и поваръ», 11) «Хлопотунъ», 12) «Дядя на прокатъ», 13) «Старъ и Молодъ» и проч. ²⁾ Почти весь репертуаръ состоитъ изъ французскихъ пьесъ; выдѣляются двѣ русскія и одна англійская. Комедія Казимира Делавина: *L'école des vieillards*, игралась въ стихотворномъ переводѣ Ѳ. Ѳ. Кокоскина, подъ заглавіемъ — «Урокъ старикамъ» ³⁾, «Школа женщинъ» Мольера — въ стихотворномъ переводѣ Хмельницкаго. Водевилъ «Дядя на прокатъ» переведенъ былъ съ французскаго Писаревымъ въ концѣ 1826 года ⁴⁾. Переводы нѣкоторыхъ пьесъ были старинныя. «Школа злословія» игралась по переводу Ивана Муравьева, напечатанному въ 1794 году ⁵⁾. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ: «Ботъ или аглицкой купецъ», въ переводѣ кн. Петра Долгорукова, ⁶⁾ представлена была въ первый разъ на Петровскомъ театрѣ 5 февраля 1804 года и въ томъ же году напечатана въ Москвѣ. Роль Бота игралъ тогда Плавильщиковъ. Воспитанный чужимъ репертуаромъ и комедіями Загоскина и Шаховскаго, Щепкинъ не вдругъ овладѣлъ ролью Фамусова и лишь спустя много лѣтъ выработалъ эту роль до того совершенства, которое восхищало зрителей въ сороковыхъ годахъ. По крайней мѣрѣ, видѣвшіе Щепкина въ комедіи Грибѣдова въ 1832 году, находили въ его игрѣ замѣтные недостатки и лучшею ролью его тогдашняго репертуара считали роль Арнольфа въ «Школѣ женщинъ» Мольера ⁷⁾. Переложеніе французскихъ комедій и водеви-

лей «на русскіе нравы» заключалось большею частію въ перемѣнѣ французскихъ собственныхъ именъ на русскія и нерѣдко въ замѣнѣ французскихъ куплетовъ своими. Писаревъ въ заключительныхъ куплетахъ своихъ пьесъ иногда позволялъ себѣ грубыя и неприличныя выходки противъ тѣхъ личностей, въ которыхъ можно было, при всякой цензурѣ, бросать грязью и въ печати и со сцены — противъ современныхъ русскихъ писателей. Въ водевилѣ пьесѣ: «Учитель и ученикъ, или въ чужомъ пиру похмѣлье», Щепкинъ, подъ музыку Верстовскаго, долженъ былъ пѣть:

Извѣстный журналистъ Графовъ
Задѣлъ Мишурскаго разборомъ;
Мишурскій, не теряя словъ,
На критику отвѣтилъ вздоромъ;
Пошли писатели шумѣть,
Кричать, *бранятся отъ бездолья*,
А публикѣ за что жь терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье?

Артистъ становился на сценѣ органомъ — даже не партіи литературной, а желчнаго расположенія легкомысленнаго водевилиста. Зрителямъ, понимавшимъ, что подъ Графовымъ разумѣлся Каченовскій, а подъ Мишурскимъ кн. Вяземскій, «особенно понравился этотъ куплетъ» ¹⁾. При исполненіи послѣднихъ куплетовъ въ водевилѣ Писарева «Три десятки», театръ превратился въ шумную арену, на которой сдѣлились поклонники водевилиста съ защитниками Полеваго, противъ котораго направленъ былъ такой куплетъ:

Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ публику учить;
Самъ не кончивши ученья,
Всѣхъ собираетъ учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожить...
Не пора ль ему шеннуть:
„Тотъ другихъ учить не можетъ,
Кто учился какъ-нибудь“ ²⁾.

Въ одномъ изъ куплетовъ того же водевила издатель «Московского Телеграфа» названъ былъ полною фамиліею:

Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ Полевой (bis).

Актеръ Сабуровъ, пропѣвшій этотъ куплетъ, держалъ сторону Писарева. «По музыкѣ (разсказываетъ Аксаковъ) слѣдовало бы повторить послѣдніе два стиха; но оглушительный шумъ заставилъ актера Сабурова — а можетъ быть, онъ сдѣлалъ это и съ намѣреніемъ (всѣ артисты очень любили Писарева) — не говорить послѣдняго стиха; какъ же только шумъ утихъ, Сабуровъ, безъ музыки, громко и выразительно произнесъ: «И всѣмъ наскучилъ Полевой» ³⁾. Когда послѣ вызваннаго первымъ представленіемъ «Трехъ десятковъ» скандала, фа-

¹⁾ Сѣверная Пчела 1832 г., № 143.

²⁾ Записки и письма Щепкина, стр. 177.

³⁾ Первое явленіе перваго дѣйствія этой пьесы напечатано было еще въ «Драматическомъ альбомѣ для любителей театра и музыки» на 1826 годъ.

⁴⁾ С. Аксакова, Разныя Сочиненія, стр. 114.

⁵⁾ По словамъ С. Т. Аксакова, Писаревъ „переложилъ гладкими и сильными стихами старинную комедію Шеридана „Школа злословія“ и назвалъ ее „Лукавинъ“ по имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ, характеръ котораго развитъ Писаревымъ гораздо шире и полнѣе, чѣмъ у Шеридана“. Разныя Сочиненія, стр. 84.

⁶⁾ Оригиналь пьесы нѣмецкій: „Onkel Bott“, Lustspiel von Griesheim.

⁷⁾ Сѣверная Пчела 1832, № 139.

¹⁾ С. Т. Аксакова, Разныя Сочиненія, стр. 228.

²⁾ Тамъ же, стр. 233. Ср. Записки К. А. Полеваго, стр. 141—142.

³⁾ Аксаковъ, 232. Полевой, 141.

⁴⁾ Аксакова, Разныя Сочиненія, стр. 232.

милія Полеваго замѣнена была словомъ «луговой», Сабуровъ произнесъ исправленный стихъ «въ пологоса, повернувши голову въ сторону и прикрывши лицо руками: актеръ какъ будто несогласенъ былъ съ авторомъ этой перемены». ¹⁾ Во время такихъ эпизодовъ зрители превращались въ дѣйствующихъ лицъ и запальчивая борьба, которая велась въ театрѣ, несмотря на свои безпорядочныя формы, показывала, какъ жадно ловилось зрителями летѣвшее со сцены живое слово о своемъ, о современномъ...

Но именно русскаго, современнаго содержанія и не давала московская драматическая сцена ни актерамъ, ни публикѣ. Театръ не имѣлъ никакого общественнаго значенія. Зрителей потѣшали «невинными» комедіями и французскими водевилями. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ репертуарѣ Щепкина не было пьесъ, при исполненіи которыхъ онъ могъ бы обнаружить свое знаніе русскаго быта, русскаго характера... Лишь изрѣдка случалось ему подмѣнить, такъ сказать, чуждое содержаніе пьесы чертами русскаго быта... Въ концѣ 1826 года Шаховской поставилъ на сцену большую комедію-водевиль: «Притчи, или Езопъ у Ксанѳа». «Содержаніе пьесы (разсказываетъ Аксаковъ), совершенно чуждое нашей жизни, мало имѣло достоинства... Щепкинъ игралъ Езопъ и съ большимъ искусствомъ читалъ басни въ стихахъ... Тутъ были басни Хемницера, Дмитріева и Крылова... Еще съ большимъ искусствомъ передавалъ Щепкинъ лукавство раба, который изобрѣлъ притчу, какъ средство выразить передъ своимъ властелиномъ свою потаенную мысль, которую прямо сказать нельзя. Много работалъ надъ этой ролью Щепкинъ, *чтобъ, по возможности, скрыть себя, свою горячность и свои приемы подъ личиною Езопъ*» ¹⁾. Шаховскій конечно не былъ вполне доволенъ Щепкинымъ: на сценѣ стоялъ не Езопъ, сочиненный имъ по французскому образцу, а живой образъ раба, созданный художественно бывшимъ крѣпостнымъ рабомъ... Князь Шаховской увѣрялъ С. Т. Аксакова, что петербургскій актеръ Брянскій въ этой роли гораздо лучше; но Аксаковъ не нашелъ возможности согласиться съ авторомъ «Езопъ у Ксанѳа». «Точно (разсказываетъ Аксаковъ), у Брянскаго было больше простоты; точно, нѣкоторыя басни Брянскій читалъ гораздо лучше; но уже во всемъ остальномъ не было сравненія: зритель не видѣлъ и не слышалъ въ немъ, несмотря на покорную наружность, — хитраго, тонкаго лукаваго раба, кипящаго внутреннимъ негодованіемъ. А въ этомъ-то и былъ превосходенъ Щепкинъ».

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Щепкинъ, за немногими исключеніями, стоялъ гораздо вы-

ше своего репертуара. Богато одаренная артистическая натура, находясь въ полномъ развитіи силъ, стремилась къ труду, способна была къ нему; но ей не надъ чѣмъ было работать. Щепкинъ понималъ, что его талантъ тратился на мелочи; онъ болѣзненно чувствовалъ недостатокъ такихъ драматическихъ произведеній, которыя давали бы ему возможность служить своему идеалу и укрѣплять на русскомъ театрѣ простоту и естественность игры; онъ видѣлъ постепенный упадокъ русской драматической сцены. Кончина плодовитаго А. И. Писарева опечалила Щепкина, какъ артиста и какъ человѣка. 27 марта 1828 года онъ писалъ петербургскому актеру И. И. Сосницкому: ¹⁾ «Я думаю, тебѣ уже извѣстно о нашей величайшей потерѣ, а именно о смерти Александра Ивановича Писарева. Да! онъ оставилъ насъ прошлаго 15-го числа сего же мѣсяца. Это большая потеря для театра, но для меня она чувствительнѣе, ибо я въ немъ потерялъ друга». Репертуаръ Щепкина не оживлялся съ того времени даже новыми веселыми водевилями. Уже въ 1831 г. артистъ жаловался И. И. Сосницкому: «Жаль, очень жаль, что русскій театръ не можетъ улучшиться отъ однихъ желаній, собственнаго старанія и душевной любви, ибо, признаюсь, театръ у меня беретъ преимущество надъ семейными дѣлами и при всемъ томъ видѣть оный *слабыиошимъ день ото дня*, — клянусь, это для меня хуже холеры».

Въ такомъ положеніи находилась московская драматическая сцена въ то время, когда завязалось первое знакомство Щепкина съ авторомъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Гоголь въ это время переживалъ послѣдніе дни своего романтическаго періода. Незадолго до отъѣзда изъ Петербурга въ Москву онъ напечаталъ вторую часть «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». ²⁾ Въ «Ночи наканунѣ Ивана Купала», помѣщенной въ первой части этого сборника (1831 г.), современникамъ слышались звучные отголоски фантастическаго разсказа Тика. Вообще фантастическое составляло существенный элементъ во всѣхъ повѣстяхъ, изъ которыхъ сложились «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». Лѣтомъ 1832 года мысль Гоголя занята была совершенно другимъ: онъ обдумывалъ планъ — *комедіи*. Издаемъ «Вечеровъ на хуторѣ» закончился романтическій періодъ его юности: призраки украинскаго суевѣрія, то ужасныя, то очаровательныя, отлетѣли отъ него навсегда и почти *въ началѣ 1833 года* (въ письмѣ отъ 1-го февраля) на запросъ Погодина о «Диканьскихъ Вечерахъ» Гоголь отъ души, искренно вос-

¹⁾ За сообщеніе мнѣ нѣкоторыхъ неизданныхъ писемъ М. С. Щепкина приношу искреннюю благодарность влuku знаменитаго артиста — В. Н. Щепкину.

²⁾ Сочиненія Гоголя I, 541.

¹⁾ С. Аксакова, Разныя Сочиненія, стр. 117.

кликнулъ: «Чортъ съ ними! Я не издаю ихъ... прибавлять сказки не могу. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ», и вы только напомнили мнѣ объ этомъ... Да обрекутся они неизвѣстности, покажѣтся что-нибудь *увѣсистое, великое, художническое* не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается». ¹⁾ «Миргородъ», вышедшій въ 1834 году, но составленный изъ повѣстей, написанныхъ въ 1832—1833 гг., открылъ уже читателямъ новую сторону въ произведеніяхъ Рудаго Паньки. Въ этомъ сборникѣ, служащемъ *продолженіемъ* «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», только одинъ рассказъ беретъ содержаніе изъ фантастическаго міра—«Вій». Но даже и въ этой повѣсти, богатой художественными картинами малороссійской жизни, изъ-подъ пера молодого автора вылились слѣдующія строки: «Онъ чувствовалъ, что душа его начинала какъ-то болѣзненно мучиться, какъ будто бы *вдругъ среди бѣшеннаго вихря веселья и закружившейся толпы кто-нибудь запѣлъ пѣсню объ умственномъ народѣ*». ²⁾ Въ «Тарасѣ Бульбѣ» рисуя картину бѣшеной, подъ музыку, пляски запорожцевъ, поэтъ предается такимъ размышленіямъ: «Только въ одной музыкѣ есть воля человѣку. Онъ въ оковахъ вездѣ. Онъ самъ себѣ куетъ еще тягостнѣйшія оковы, нежели налагаетъ на него общество и власть,—вездѣ, гдѣ только коснулся жизни. Онъ рабъ, но онъ воленъ только, потерявшійся въ бѣшенномъ танцѣ, гдѣ душа его не боится тѣла и возносится вольными прыжками, готовая возвеселиться на вѣчность». ³⁾ «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (1832 г.) уже завершается знаменательнымъ восклицаніемъ автора: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Къ двадцати-трехъ-лѣтнему юношѣ, еще недавно такъ беззаботно смѣявшемуся въ «Вечерахъ», какъ будто уже *«примѣшалась болѣзнь, которою одержимо было все его поколѣніе—неудовлетвореніе и тоска»*. ⁴⁾ Позднѣе въ эпоху душевныхъ и тѣлесныхъ страданій,—въ мучительную эпоху созданія второй части «Мертвыхъ Душъ», это восклицаніе съ новою силою зазвучитъ въ устахъ Гоголя. Изъ груди

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, V, 168—169.

²⁾ Сочиненія Гоголя I, 695—696. Въ печатномъ текстѣ это мѣсто, вѣроятно, по требованію тогдашней цензуры, явилось въ измѣненномъ видѣ: „какъ будто бы вдругъ среди вихря веселья и закружившейся толпы запѣлъ кто-нибудь пѣсню похоронную“.

³⁾ Сочиненія Гоголя V, 625.

⁴⁾ Курсивомъ напечатаны собственные слова Гоголя въ письмѣ къ А. С. Давилевскому, отъ 14 го февраля 1841 года. Сочиненія и письма Гоголя, V, 430.

поэта, озирающаго современность, вырвется болѣзненный вопль: «И непонятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь, все мельчаетъ и мелѣетъ, и *возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполнскій образъ скуки*, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могла повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!» ¹⁾ С. Т. Аксаковъ справедливо замѣтилъ: «Свѣжи, прелестны, благодуханы, художественны были рассказы въ Диканькѣ; но въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», въ «Тарасѣ Бульбѣ» уже являлся великій художникъ, съ глубокимъ и важнымъ значеніемъ» ²⁾. «Великій меланхоликъ» (какъ называлъ Гоголя Пушкинъ) уже переставалъ развлекать себя невинными, беззаботными сценами ³⁾ и начиналъ углублять испытующій взоръ въ *дѣйствительность*, его окружавшую. Щепкинъ успѣлъ уже извѣдать русскую жизнь сверху до низу. Прошедшее артиста, выросшее на почвѣ крѣпостнаго права, исполненное горя, тревогъ, нужды, стояло передъ умственнымъ взоромъ его въ полной свѣжести, сохраняя живыя краски дѣйствительности. Въ кругу знакомыхъ Щепкинъ любилъ воспроизводить отдѣльные эпизоды своей, богатой опытомъ, жизни, рисовалъ бытъ и нравы недавняго прошедшаго. Въ рассказахъ наблюдательнаго и пылкаго артиста, пережитое,—поэзія и правда его жизни,—получало опредѣленные художественныя формы; личный, лирическій элементъ смягчался въ нихъ и умѣрялся уже въ силу того, что въ нихъ передавалось *прошедшее*. Не веселы были эти рассказы: они рисовали все—пошлость, темную, трагическую сторону жизни. Передъ слушателями вставали картины откровеннаго самоуправства, наглаго плутовства, мелкаго, часто безсознательнаго тиранства, деспотизма и насилія господъ, гордаго и величаваго страданія крѣпостныхъ. ⁴⁾ Гоголь уже въ эту пору прислушивался внимательно къ рассказамъ о русскомъ бытѣ и собиралъ «матеріалы для духовной статистики Россіи». Щепкинъ былъ находкою для писателя, ступившаго на реальную почву и глубоко сознававшаго необходимость самаго широкаго вѣдѣнія русской жизни и русскихъ людей. Щепкинъ, можетъ быть, самъ того не замѣчая, обнажалъ своими рассказами корни, изъ которыхъ выросли «неудовлетвореніе и тос-

¹⁾ Сочиненія Гоголя IV, 220.

²⁾ Русь 1880 года, № 4, стр. 16.

³⁾ Такими словами характеризуетъ Гоголь, въ «Авторской исповѣди», свои первыя поэтическія произведенія.

⁴⁾ Нѣкоторые рассказы Щепкина напечатаны въ литературной обработкѣ; таковы: „Сорока-воронка“ Герцена (въ Современникѣ 1848 г., № 2) и „Собачка“ гр. Соллогуба въ альманахѣ „Вчера и сегодня“.

ка» Гоголевскаго поколѣнія. Поэтъ скоро оцѣнилъ правду и художественную простоту этихъ разсказовъ. Разъ въ 1832 году Щепкинъ передалъ Гоголю, какъ бабка его приняла появленіе одичалой кошки за предвѣстіе своей близкой кончины. Впечатлительный и суевѣрный, слышавшій въ дѣтствѣ среди бѣлаго дня призывные голоса, Гоголь сочеталъ этотъ разсказъ съ своими дѣтскими воспоминаніями и воспользовался имъ въ трогательной идилліи «Старосвѣтскіе помѣщики», написанной въ 1833 году. Прочитавши эту повѣсть, Щепкинъ, при встрѣчѣ съ авторомъ, сказалъ ему шутя: «а кошка-то моя!»—«За то коты мои!» отвѣчалъ Гоголь. 1) Разсказъ: «полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ», Гоголь также слышалъ отъ Щепкина: онъ приберегъ его для втораго тома «Мертвыхъ Душъ». Послѣдній разсказъ также передаетъ дѣйствительно случившееся происшествіе, какъ и всѣ разсказы Щепкина. «По моему мнѣнію (замѣчаетъ А. Н. Аванасевъ, указывая на источникъ этого эпизода «Мертвыхъ Душъ») разсказъ этотъ въ устахъ Щепкина имѣлъ несравненно больше живости, чѣмъ въ поэмѣ Гоголя».

Въ первый прїѣздъ Гоголя въ Москву, въ 1832 году, С. Т. Аксаковъ заговорилъ съ нимъ о Загоскинѣ, «Гоголь хвалилъ его за веселость, но сказалъ, что онъ не то пишетъ, что слѣдуетъ, особенно для театра». Сергій Тимофеевичъ, самъ работавшій въ то время для сцены и высоко цѣнившій комедіи Загоскина, 2) возразилъ, что у насъ писать не о чѣмъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

... даже глупости пустой
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

Гоголь посмотрѣлъ на Аксакова «какъ-то значительно» и сказалъ, что это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы уже сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его» 3).

Лѣто 1832 года Гоголь провелъ въ Малороссіи. Мысль написать русскую комедію крѣпко засѣла у него въ головѣ. 20 февраля 1833 года онъ писалъ Погодину изъ Петербурга: «Я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я прїѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ» 4).

1) См. статью Аванасьева: «М. С. Щепкинъ и его записки» въ Библиотекѣ для чтенія 1864 года, № 2, стр. 8.

2) См. Біографію М. Н. Загоскина въ «Разныхъ Сочиненіяхъ» С. Т. Аксакова.

3) «Русь» 1880 г., № 4, стр. 16.

4) Сочиненія и письма Гоголя V, 174. Въ «Рус-

Унаслѣдовавши страсть къ театру отъ отца, Гоголь еще въ Нѣжинѣ участвовалъ въ домашнихъ ученическихъ спектакляхъ. Въ 1826 году, сидя на школьной скамьѣ, онъ задумалъ составить «Книгу всякой всячины, или подручную энциклопедію». Забѣтки, выписки и другіе матеріалы, вносившіеся въ эту энциклопедію, расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Подъ буквою *T*, кромѣ нѣсколькихъ словъ для малорусскаго словаря, помѣщены въ «энциклопедіи» исключительно выписки, касающіяся театра. На стр. 311 записано: «Объ архитектурѣ театровъ. Мнѣніе Оленина, президента академіи художествъ, касательно боковыхъ ложъ, — что они должны быть не горизонтальныя, но косвенныя или *облическія*, параллельно къ косинѣ партера, предполагая, что сидящіе въ ложахъ, которыя одна другой ниже, могутъ безпрепятственно видѣть одинъ черезъ другаго». На стр. 315 помѣщенъ «Списокъ Россійской (Драматической) и Балетной труппы С.-Петербургскаго театра Артистовъ. Изъ Р. Т. 1825 года (т.-е. изъ альманаха Булгарина «Русская Талія»). Наконецъ, на стр. 321 внесенъ длинный списокъ произведеній Скриба, подъ заглавіемъ «*Pièces de M. Scribe.*» Авторъ «Подручной энциклопедіи» интересовался тогда, какъ видно, устройствомъ театровъ, составомъ петербургской труппы и кругомъ произведеній того французскаго писателя, пьесы котораго начинали проникать въ репертуаръ русскихъ столичныхъ театровъ. Неудивительно, что въ 1832 году, отказавшись писать сказки, Гоголь «помѣшался на комедіи». 8-го декабря 1832 года Плетневъ сообщалъ Жуковскому, жившему тогда въ Швейцаріи: «Гоголь нынѣшнимъ лѣтомъ ѣздилъ на родину. Вы помните, что онъ въ службѣ и обязанъ о себѣ давать отчетъ. Какъ же онъ поступилъ? Четыре мѣсяца не было про него ни слуху, ни духу. Оригиналь. Въ Москвѣ онъ видѣлся съ И. И. Дмитріевымъ, который принялъ его со всею любезностію своею. Вообще тамошніе литераторы, кажется, порадовали его особеннымъ вниманіемъ къ его таланту. Онъ не можетъ нахвалиться Погодинымъ, Кирѣевскимъ и прочими. У Гоголя вертится на умѣ комедія. Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимой; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства. Въ его сказкахъ меня всегда поражали драматическія мѣста» 1).

Къ этому времени, т.-е. ко второй половинѣ 1832 года, относимъ мы нѣсколько замѣтокъ о комедіи вообще, набросанныхъ Го-

скомъ Архивѣ» 1872 г. (стр. 2370) это письмо неправильно отнесено къ 1834 году.

1) Сочиненія и переписка Плетнева III, 522.

големъ въ его записной книгѣ»¹⁾. На страницѣ 55-й набросано: «*Комед. Матеріалы обшчіе*»²⁾. Старое правило: Уже хочеть достигнуть, схватить рукою, какъ вдругъ помѣшательство и отдаленіе желаемого предмета на огромное разстояніе.—Какъ игра въ нахидку и всякая азартная игра.—Внезапное или неожиданное открытіе, дающее вдругъ всему дѣлу новый оборотъ или озарившее его новымъ свѣтомъ». Не трудно замѣтить, что записанное здѣсь «старое правило» нашло себѣ примѣненіе въ «Игрокахъ» и въ «Ревизорѣ».

На страницѣ 57-й подъ заглавіемъ: «Матеріалы частные», помѣщена замѣтка: «Не понимается и толкуеть по-своему,—въ родѣ метафизическій — математическимъ». Этимъ приемомъ Гоголь уже пользуется въ той комедіи, которую онъ началъ писать въ 1832 году по возвращеніи въ Петербургъ изъ Малороссіи. Въ сценахъ: «Утро дѣловаго челоувѣка», составляющихъ часть большой неоконченной комедіи: «Владиміръ 3-ей степени», находится такое мѣсто: «*Катерина Александровна*. Вы бы попробовали омеопатического средства. *Иванъ Петровичъ*. Чудно, право, какъ подумаешь, до чего не доходитъ просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Катерина Александровна, про мепатію. Недавно была я въ представленіи. Что-жъ бы вы думали? Мальчишка расту—какъ бы вамъ сказать?—вотъ этакого (*показываетъ рукою*), лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ! Я васъ увѣряю серьезно, что духъ занимается отъ страха»³⁾.

На страницѣ 143 записаны уже отдѣльные фразы годныя, для лицъ, дѣйствующихъ въ комедіи: «Что вамъ сталъ виць-мундиръ? Почему суконцо?»—«Да, да! Знаю, понимаю... Да, да! Ну, а расскажите? Да объ чемъ биць вы говорили?»—«Подойди, скотъ! Вотъ столъ красного дерева работы Скоб....? Подъ лакомъ?» Посреди важнаго разговора: «У меня вѣдь кухарка» и проч. — «Также: Фуфайку, надобно вамъ знать, сударыня, я ношу лосинную: она гораздо лучше фланелевой».

Эти фразы не останутся мертвымъ капиталомъ въ записной тетради: они скоро найдутъ себѣ мѣсто въ комедіяхъ, задуманныхъ авторомъ. Такъ, послѣдняя фраза, почти въ полной неприкосновенности, вставлена въ «Утро дѣловаго челоувѣка». Приводимъ выдержку изъ этихъ сценъ: «*Иванъ Петровичъ*. Были

ли у его высокопревосходительства? *Александръ Ивановичъ*. Былъ. Я теперь только отъ него. Сегодня по утру было немножко холодноенько. Вѣдь я, какъ думаю, вамъ извѣстно, имѣю обыкновеніе носить лосинную фуфайку: она гораздо лучше фланелевой и притомъ не горячить. По этому-то случаю я велѣлъ себѣ подать шубу. Приѣзжаю къ его высокопревосходительству—его высокопревосходительство еще спитъ. Однакожъ я дождался»¹⁾. Фраза, предшествующая въ наброскѣ только-что выписанной, внесена въ первоначальный текстъ комедіи «Женіхи», изъ которой черезъ нѣсколько лѣтъ выработалась «Женитьба». Въ пятомъ явленіи означеннаго текста невѣста Авдотья Гавриловна, вышедши къ собравшимся женихамъ, говоритъ: «Извините меня, дорогіе гости, что немного помѣшкалась». *Одинъ изъ жениховъ*²⁾: «Ничего, сударыня (*подходя къ ручкѣ*); мы слышали, что вы изволили принаряжаться». — *Авдотья Гавриловна*: «А это уже Оекла изволила провратиться! Нѣтъ, только-что подралась съ кухаркою»...

Съ такими матеріалами сѣлъ Гоголь за трудъ, который долженъ былъ вывести его на новую дорогу, за созданіе того «великаго, художническаго», отъ котораго онъ ждалъ себѣ славы. «Я не знаю (писалъ онъ Погодину въ томъ же письмѣ, которое извѣщало о задуманной комедіи), отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего... Уже и сюжетъ (комедіи) было на дняхъ началъ составляться; уже и заглавіе было написано на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-ей степени», и сколько злости, смѣху, соли!.. Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда пѣса не будетъ играть? Драма живетъ только на сценѣ; безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе?—Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже кварталный не могъ бы обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости? Итакъ, за комедію я не могу приняться. Примусь за исторію—передо мной движется сцена, шумитъ аншодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ кресель и оскалываютъ зубы, и — исторія къ чорту!»²⁾.

Начатая комедія осталась безъ продолженія. Помимо главной причины, которая заставила Гоголя бросить сочиненіе комедіи, на сцени-

¹⁾ Эта записная книга, подаренная Гоголю Тарновскимъ, наполнилась замѣтками и дѣлами произведеніями поэта въ періодъ времени съ 1831 г. по 1834 г.

²⁾ Точный снимокъ съ приводимыхъ замѣтокъ прилагается послѣ этой страницы, потому что текстъ они приводятся безъ соблюденія правописанія автора и безъ употребляемыхъ имъ сокращеній.

³⁾ Сочиненія Гоголя II, 453—454.

¹⁾ Сочиненія Гоголя II, 450.

²⁾ Ср. Сочиненія и письма Гоголя V, 174—175.

113

Two hands come to bayonet night
 notice anyone

Da' 'zawo naminno Didi. ny a paccuunatpa
 De wB' rind. Saw on whopun'a

And. crop. Kani sto omast Kpenclo Dshaba
 j. b. o. l. l. c. a. d. e. n. g. e. ?
 ny d. e. p. a. n.

And. Kair petrolope yamb ludi ny d. e. p. a. n.
 n. e. p. s. e. l. e. n. y. , D. o. l. i. c. h. o. s. m. e. t. t. e. g. r. e. p. e.
 M. o. n. a. m. e. t. h. y. p. e. r. e. n. y. , o. n. e. r. i. p. a. r. d. o. s. p. a. n. e. d. i. s. c. a. n. d. o. r.
 I. m. y. u. e. n. y. .

ческое представлѣніе которой онъ, по условіямъ тогдашней цензуры, не могъ разсчитывать, была и другая причина, важная, можетъ быть, въ непривычкѣ автора къ установленію твердаго и удобопонимаемаго плана драматическаго произведенія. 11 марта 1833 года Плетневъ уже писалъ Жуковскому: «У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ объять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ. Есть еще другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать изъ дому, боясь тамъ заморозить себя. Такъ-то физическая сторона человѣка иногда губить его духовную половину со всѣми въ ней зародышами.»¹⁾ Какой обширный объемъ Гоголь предполагалъ дать своей комедіи «Владиміръ 3-ей степени», видно изъ того, что въ ея составъ должны были, между прочимъ, войти: «Лакейская», «Тяжба», «Утро дѣловаго человѣка»²⁾. Гоголь, какъ извѣстно, писалъ свои большія произведенія не въ послѣдовательности главъ или сценъ, а безъ всякаго порядка, набрасывая и обрабатывая отдѣльныя части произведенія и потомъ уже сливая ихъ въ одно цѣлое. Сравнивая вышеприведенные наброски 1832 года о «матеріалахъ комедіи» съ уцѣлѣвшими отрывками изъ комедіи «Владиміръ 3-ей степени», мы склоняемся къ предположенію, что прежде другихъ сценъ этой комедіи написано было «Утро дѣловаго человѣка». Какъ бы то ни было, но Гоголь оставилъ комедію, исполненную «правды и злости», боясь придирки цензуры при постановкѣ пьесы на сцену. Несомнѣнно объ этой комедіи спрашивалъ Пушкинъ Одоевского въ письмѣ отъ 30 октября 1833 г.: «Кланяюсь Гоголю. Что его комедія, въ ней же есть закорючка?» Великій поэтъ, конечно, употребилъ здѣсь слово «закорючка» о тѣхъ мѣстахъ пьесы, въ которыхъ могла придратъся тогдашняя цензура³⁾.

Оставивши комедію съ «правдой и злостью»,

¹⁾ Сочиненія и переписка Плетнева V, 528.

²⁾ Ср. Театральныя афиши и Антрактъ 1865 г., января 7. Та же статья въ исправленномъ и дополненномъ видѣ напечатана (подъ заглавіемъ: «Комедія Гоголя—Владиміръ 3-ей степени») въ Бесѣдахъ Общества любителей русской словесности, вып. III. Доказательства принадлежности «Тяжбы», «Лакейской» и «Утра дѣловаго человѣка» къ составу неоконченной комедіи см. въ Примѣчаніяхъ къ этимъ произведеніямъ въ Сочиненіяхъ Гоголя, изд. 10^а.

³⁾ Кн. Одоевскій замѣтилъ, что запросъ Пушкина «относится къ *Ревизору*». Но въ это время Гоголь и не думалъ писать «Ревизора». Не можемъ также согласиться и съ тѣмъ толкованіемъ слова «закорючка», которое предложено кн. Одоевскимъ. «Русскій Архивъ» 1864 г., стр. 820.

Гоголь обратился къ обработкѣ пьесы съ «невиннымъ сюжетомъ». Это была комедія въ трехъ дѣйствіяхъ «Женихи». Она начата была къ 1833-му году¹⁾, а, можетъ быть, даже въ 1832 г. Отъ первоначальнаго наброска этой комедіи, который относится къ 1832²⁾ г., уцѣлѣло три поллиста. Дѣйствіе открывается въ комнатѣ невѣсты. «*Авдотья Гавриловна (одна)*. Что это, Господи Боже мой, долго ли я буду въ дѣвкахъ оставаться? Нѣтъ, да и нѣтъ жениховъ: вымерли какъ будто отъ чумы. Бывало прежде благоспитанные люди сами отправляются искать невѣсты, а теперь ищи ихъ, ей-Богу! Никакого уваженія къ женскому полу! Я послала Марю Фоминишну, не сыщеть ли хоть на ярманкѣ—былъ бы только дворянинъ да порядочной фамиліи. Да вотъ и ея что-то нѣтъ до сихъ поръ. Охъ! и страшно, какъ подумаешь: ну, вотъ пріѣдетъ женихъ... У меня такъ сердце и бьется. Да ничего, пусть пріѣзжаетъ—не будетъ страшно. (Явленіе 2-е). *Марья*. Здравствуй, свѣтъ мой, Авдотья Гавриловна. *Авдотья Гавриловна*. Ахъ, что ты это, мать, куда такъ долго запропастилась? *Марья*. Охъ! позволь, матушка, съ духомъ собраться. За твоими порученіями такъ изъѣздила, такъ изъѣздила, что и поясница, и бокъ, и все болитъ. Два раза лошади били: засѣдатель—обывательскихъ, таратайка моя вся такъ и разсыпалась. Ну, да за то ужъ могу похвастаться: какихъ я тебѣ жениховъ прислала! Вотъ какъ орѣхи каленные: все на подборъ, одинъ другого лучше. Сегодня, можетъ быть, они и будутъ къ тебѣ. Я нарочно спѣшила тебя предупредить. *Авдотья Гавриловна*. Сегодня? Ухъ! *Марья*. И, не пугайся, мать моя: дѣло житейское. Посмотрю, больше ничего; и ты посмотришь ихъ: не поидраются,—ну, и уйдутъ. *Авд. Гавр.* А сколько ихъ, душенька ты моя? *Марья*. Да штукъ шесть, кажется, будетъ. *Авд. Гавр.* Ухъ, какъ много! *Марья*. Ну, что-жъ? Лучше выбрать можно: одинъ не придется—другой придется. *Авд. Гавр.* Расскажи же, моя голубушка, какіе они. *Марья*. А славные, хорошіе такіе все, акуратные. Напримѣръ, первый—Дороей Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный! На флотѣ служилъ и такой учтивый! Какъ разъ по тебѣ придется. «Мнѣ, говоритъ, нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ я не люблю». А Иванъ-то Петровичъ! То такой помѣщикъ, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый! Какъ закричитъ на меня: «Ты мнѣ не толкуй пустяковъ,—что невѣста такая и такая; ты скажи мнѣ напрямикъ: сколько за ней грѣпостнаго, движимаго, рухляди?»—«Столько-то

¹⁾ Этотъ годъ указанъ Гоголемъ въ первомъ изданіи его «Сочиненій».

и столько-то, отецъ». — «Ты врешь, собачья дочь!» Да еще мать моя, влѣпилъ такое слово, что не пристойно тебѣ сказать. Я въ мигъ и спознала: У! да это долженъ быть важный господинъ. *Авд. Гавр.* Ну, а еще кто? *Марѳа.* Никаноръ Ивановичъ Онушкинъ. Это ужъ деликатесъ. Губы, мать моя, малина, совершенная малина. А самъ такой славный! «Мнѣ, говорить, нужно не то, чтобы невѣста была такая-то и растакая, а чтобы хороша собою, воспитана и чтобы по французски умѣла говорить». Да, онъ такой. А самъ такой сублинный, ножки узенькія, тоненькія... *Авд. Гавр.* О, нѣтъ, Марѳа Ѳоминышна, знаю я этихъ сублинныхъ! Нѣтъ, ты подавай мнѣ тѣхъ, которые поплотнѣй. *Марѳа.* А если поплотнѣе, такъ Ивана Петровича, — ужъ лучше нельзя выбрать никого: ужъ тотъ, нечего сказать, баринъ такъ баринъ. Мало въ эти двери не войдетъ — такой славный! *Авд. Гавр.* А сколько лѣтъ ему? *Марѳа.* А человѣкъ-то еще молодой: лѣтъ 50, да и 50 еще нѣтъ. — *Авд. Гавр.* Еще кто? *Марѳа.* Акинъ Степановичъ Пантелѣевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ — такой скромный и тихій! *Авд. Гавр.* Да онъ выпить, я думаю, гораздъ? *Марѳа.* А пьеть, не прекословлю — пьеть. Что-жъ дѣлать? пьеть — на то титулярный совѣтникъ. За то... такой тихой, какъ шелкъ. *Авд. Гавр.* Нѣтъ, Марѳа Ѳоминышна, я не хочу, чтобы мой мужъ пилъ. *Марѳа.* Твоя воля, мать моя! Не хочешь того, возьми другихъ. Впрочемъ, что-жъ такое, что онъ выпьетъ лишнее? Вѣдь онъ не всю таки недѣлю бываетъ пьянъ: попадаетъ такой день, что совсѣмъ трезвый бываетъ. *Ѳекла* ¹⁾ *Ѳоминышна.* Посмотри-ка въ окно: что собаки лай такой подняли? Ахъ, сударыня, да это онъ! *Авд. Гавр.* Кто онъ? *Марѳа.* Женихъ — Иванъ Петровичъ Яичница! *Авд. Гавр.* Ахъ, Боже, вотъ тебѣ на! Я чуть не въ одной рубашкѣ! Слушай, голубушка Ѳекла Савишна, посиди тутъ, да не пускай, если станеть пробираться въ мою комнату. А я наскоро одѣнусь. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! (*Уходитъ*). Нѣкоторыя частности и цѣлыя фразы этого явления будутъ перенесены цѣликомъ въ печатную редакцію «Женитьбы»; но первоначальный планъ пьесы совершенно отличается отъ того, по которому она обработана была впоследствии. Нѣкоторыя лица обрисованы тѣми же чертами, что и въ «Женитьбѣ»; но эти черты не выражены ясно и рѣшительно. Подколесина еще нѣтъ между женихами. Въ уцѣлѣвшихъ сценахъ преобладаетъ еще грубый фарсъ, свойственный тогдашнимъ водевилямъ. Не развитіе характера главнаго дѣйствующаго лица, а борьба между женихами изъ-за добычи

1) Въмѣсто прежняго: *Марѳа.* Въ первоначальныхъ наброскахъ Гоголя имена дѣйствующихъ лицъ почти всегда не установлены твердо.

составляетъ все содержаніе перваго акта. Едва успѣла выдти на сцену невѣста, Жевакинъ бросается къ ней на встрѣчу, чтобы «принести ей свое сердце». Вбѣгаетъ дѣвушка съ извѣстіемъ: «Еще одни пріѣхали», и невѣста быстро уходитъ — «заказать ватрушки». Жевакинъ, за свою смѣлость, тотчасъ же подвергается нападенію Яичницы, — и дѣло близко къ дракѣ. Выписываемъ эту сцену: «*Яичница (ударивъ по плечу Жевакина).* Любезнѣйшій, кажется изъ одного горшка хотимъ щи хлебать? *Жевакинъ* ¹⁾. Какъ изъ одного? *Яичница.* То есть, вы, какъ я замѣчаю, подъѣзжаете къ хозяйкѣ дома. *Жевакинъ.* А признаюсь, она мнѣ очень нравится. Эдакой розанчикъ, букетъ въ устахъ; и здѣсь, на груди, эдакой платочекъ, и тутъ обыкновенно такіе дамскіе уборы. Это все очень хорошо, я это люблю. *Яичница.* И вамъ нужда и себѣ лѣзть туда же! Посмотрите на себя: какая у васъ гнусная фигура! Право, наводитъ уныніе. *Жевакинъ (поворачивается).* Нѣтъ, фигура хороша. *Яичница.* Можно ли, чтобы у морскаго офицера была хорошая фигура? *Жевакинъ (вытягивается).* Какъ такъ? *Яичница.* Да конечно; это всякому извѣстно. *Жевакинъ.* Что такое извѣстно? *Яичница.* Вотъ новости! Извѣстно, что такое морякъ: старый качанъ капусты. *Жевакинъ.* Позвольте. Мнѣ, можетъ быть, такъ послышалось? Мнѣ кажется, какъ будто вы употребляете неприличныя выраженія? *Яичница.* Какія выраженія! Просто, старый трухляй, никуда не годящійся (качанъ), который выбрасываютъ въ помойную яму. *Жевакинъ (вытягиваетъ лицо еще длиннѣе прежняго, ерошитъ на головѣ волосы, кривляется и дергаетъ плечами).* Позвольте: честь моя обижена въ лицѣ всего морскаго общества. Я вамъ предлагаю дуэль. *Яичница.* Я не прочь отъ дуэли. *Жевакинъ.* Я, по обычаю моряковъ, держусь обыкновенія драться на кортикахъ. *Яичница.* Нѣтъ, я не хочу: кортиками только лягушекъ колоть. *Жевакинъ (вытягиваетъ лицо).* Такъ на чемъ же? *Яичница.* Я дерусь на кулаки (*засучиваетъ руки*). *Жевакинъ.* Нѣтъ, я на такой дуэль не соглашаюсь. Я къ вамъ обращаюсь, милостивый государь: вы видѣли? *Онушкинъ.* Я съ своей стороны не могу точно опредѣлить, потому что въ 42-мъ Егерскомъ полку, къ несчастію, въ бытность мою мнѣ не удавалось видѣть ни одного дуэля. Но образованность и утонченное обращеніе требуютъ — на благородномъ оружіи; на кулаки же неприлично въ высшемъ обществѣ. Человѣкъ, который знаетъ по-французски, ужъ не пойдетъ на кулаки биться. *Яичница.* Мнѣ дѣла нѣтъ ни до ка-

1) Начиная съ этого мѣста фамиліи дѣйствующихъ лицъ не обозначены въ рукописи.

кихъ обществъ. Я давно былъ въ военной. Тогда и меня выгоняли два раза только въ полкъ во время смуты. Да притомъ оружіе, Богъ знаетъ, гдѣ еще искать, а кулаки всегда при себѣ».

Гоголь не былъ доволенъ написаннымъ для «Жениховъ». Не оставляя выбраннаго для комедіи сюжета, онъ сталъ обрабатывать его по совершенно новому плану. Надъ этимъ новымъ, вторымъ наброскомъ комедіи¹⁾ появилось, въ черновомъ экземплярѣ, заглавіе: «Женитьба». Первое дѣйствіе пьесы открывается въ комнатѣ Подколесина, который «думаетъ, что нужно жениться, да все еще какъ-то нерѣшается». Второе явленіе занято разговоромъ Подколесина съ Степаномъ, третье—его бесѣдою съ свахою. Яичница уже не спрашиваетъ о приданомъ сваху, какъ въ первоначальномъ наброскѣ, а повѣряетъ натурою описъ приданого, держа ее въ рукахъ. Кочкаревъ носитъ еще фамилію Кохтина. По обычаю Гоголя, новый текстъ обрабатывался не въ порядкѣ послѣдовательнаго хода пьесы: набрасывались отдѣльные сцены, монологи, даже фразы. Въ уцѣлѣвшихъ наброскахъ нѣтъ ссоры Жевакина съ Яичницею; зато завязывается споръ изъ-за сужденій о женской красотѣ. Невѣста, въ ожиданіи обѣда, приглашаетъ жениховъ «закусить». О характерѣ и объемѣ отдѣльныхъ набросковъ можно судить по слѣдующему: «Мочи, мочи нѣтъ! Что это за женихи? Я эдакихъ нигдѣ не видѣлъ: какъ голодные, три дня ѣсть не давали. Невѣста сама тоже изрядная дура. Ну, чего тутъ долго думать? Рѣшился и концы въ воду.—Нѣтъ пусть дискать немного побѣгаютъ за мною. То-есть жем...²⁾ женское... и вертитъ съ досадою головою. Мочи нѣтъ! Вотъ одинъ дуракъ лѣзеть». Затѣмъ записаны только два наброска: разговоръ Яичницы съ Кохтинымъ и объясненіе съ нимъ же, кажется, Жевакина (фамиліи въ томъ и другомъ наброскѣ не названы). Вотъ все, что уцѣлѣло въ бумагахъ Гоголя отъ второй обработки «Жениховъ». Въ апрѣлѣ 1834 года эта новая обработка комедіи была доведена до конца и настолько отдѣлана, что Гоголь рѣшился ее прочитать въ избранномъ кружкѣ. Въ дневникѣ Пушкина, послѣ замѣтки о гуляньѣ 1-го мая, записано: «Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію»³⁾. И только! Никакого отзыва! Въ половинѣ августа того же года Гоголь уже писалъ Максимовичу: «Между тѣмъ, поживя здѣсь (въ Петербургѣ), я буду имѣть возможность

выпутаться изъ своихъ денежныхъ обстоятельствъ. На театрѣ здѣшній я ставлю пьесу, которая, надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ-подъ полы другую»¹⁾. Подъ первую пьесу разумѣлась «Женитьба», подъ вторую—«Ревизоръ». Но «Женитьба» не была отдана на сцену въ 1834 г.: авторъ не былъ доволенъ и новою обработкою и въ іюнѣ 1835 года, отправляясь въ Малороссію, взялъ съ собою написанное, чтобы тамъ «отработать» комедію на свободѣ. Осенью 1835 года, возвращаясь въ Петербургъ, Гоголь на перепутьи остановился въ Москвѣ и навѣстилъ Аксаковыхъ. «Гоголь (разсказываетъ С. Т. Аксаковъ) взялъ съ собою въ Петербургъ комедію, всѣмъ извѣстную теперь подъ именемъ «Женитьба»: тогда называлась она «Женихи». Онъ самъ вызвался прочесть ее вслухъ въ домѣ у Погодина для всѣхъ знакомыхъ хозяина. Погодинъ воспользовался этимъ позволеніемъ и назвалъ столько гостей, что довольно большая его зала была буквально набита биткомъ. И какая досада! я захворалъ и не могъ слышать этого чуднаго, единственнаго чтенія... Гоголь до того мастерски читалъ или, лучше сказать, игралъ свою пьесу, что многіе, понимающіе это дѣло люди до сихъ поръ говорятъ, что на сценѣ, несмотря на хорошую игру актеровъ, особенно Садовскаго въ роли Подколесина, эта комедія не такъ смѣшна, какъ въ чтеніи самого автора. Слушатели до того смѣялись, что нѣкоторымъ сдѣлалось почти дурно. Но, увы! комедія не была понята! Большая часть говорила, что пьеса—неестественный фарсъ, но что Гоголь ужасно смѣшно читаетъ»²⁾. С. Т. Аксаковъ, не присутствовавшій на этомъ собраніи, былъ увѣренъ, что Гоголь читалъ комедію въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась впоследствии на сценѣ и въ печати; но на самомъ дѣлѣ «Женихамъ» еще далеко было до «Женитьбы». Характеръ фарса оставался и на новой обработкѣ пьесы, и «большая часть слушателей» была права, оставшись ею недоволенною. Комедія оканчивалась почти ех abrupto³⁾. Вотъ послѣднее явленіе полный: «Агаѳ. Ал.⁴⁾ (входитъ въ вѣнчалномъ платкѣ робко и потупивши голову). И сама не знаю, что дѣлается со мною. Такъ право стыдно! Я вся дрожу. Ахъ! еслибы его на

1) Сочиненія и письма Гоголя V, 223.

2) Русь 1880 г., № 4, стр. 17. С. Т. Аксаковъ ошибочно относитъ этотъ прїѣздъ Гоголя въ Москву къ 1834 году. Это было въ 1835 году. Самъ С. Т. замѣчаетъ, что Гоголь прїѣхалъ въ Москву послѣ выхода въ свѣтъ «Миргорода» и «Арабесковъ», которые появились въ концѣ 1834 г.

3) Собственноручная рукопись этой обработки «Жениховъ» поступила изъ бумагъ А. А. Иванова въ Императорскую Публичную Библіотеку.

4) Имя невѣсты не установлено; на другихъ страницахъ она названа Агаѳею Петровною.

1) Наброски этой редакціи сохранились въ записной книгѣ Гоголя 1834—1835 г., нинѣ принадлежащей Московскому Публичному Музею. Нѣкоторые листы разорваны, уцѣлѣли въ корешкѣ одни половины.

2) Слово не дописано.

3) Сочиненія Пушкина (изд. литер. фонда) V, 207.

это время не было въ комнатѣ! Еслибы онъ на минуточку куды-нибудь вышелъ! (*Вдруг оглядывается*). Да гдѣ жъ это онъ? Никого нѣтъ. Это что значитъ? (*Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда*). Фекла, куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ? *Голосъ Феклы*. Никуды не уходилъ: онъ тамъ. *Агаѳ*. Гдѣ жъ тамъ? Его здѣсь нѣтъ. Вотъ штука, какъ бы онъ могъ пропасть! А! вѣрно, онъ гдѣ-нибудь спрятался и хочетъ сыграть со мною какую-нибудь шутку. Шутникъ какой! (*Вслухъ*) Иванъ Кузьмичъ, не обманете меня! Знаю, все знаю: вы спрятались. (*Молчитъ*). Знаю. Гдѣ-жъ онъ въ самомъ дѣлѣ? Ему некуда спрятаться. Эй, тетушка! Иванъ Кузьмичъ здѣсь? нѣтъ? *Тетка Анфиса*. Да нѣтъ; онъ тамъ. Ему-то нельзя было пройти: я все у дверей была. Онъ, вѣрно, какъ-нибудь въ комнатѣ запрятался. (*Подходитъ и переставляетъ всякій стулъ и смотритъ подъ него*). Нѣтъ, тутъ нѣтъ. Ужъ, Господи прости, не духъ ли онъ какой, оборотень ли какой? Да вотъ окошко-то отворено. *Фекла Ивановна (подходитъ къ окну)*. Да вотъ платочекъ его виситъ. Махнулъ черезъ окно. *Агаѳ*. Ал. Какъ? улизнулъ въ окно! Фю, фю! (*Слегка пошвытываетъ, какъ обыкновенно дѣлается въ случаяхъ несбывшихся надеждъ. Занавѣсъ опускается*)».

Чтеніе «Жениховъ» въ залѣ Погодина открыло Гоголю глаза на недостатки этой пьесы: онъ понялъ впечатлѣніе, произведенное ею на «большую часть» слушателей, оцѣнилъ значеніе высказанныхъ ими замѣчаній и смыслъ застѣнчиваго ихъ молчанія. Понятно, что назначивши С. Т. Аксакову день для прочтенія «Жениховъ» въ его домѣ, Гоголь явился къ нему въ условленное время—безъ комедій, и ни хозяйнѣ, ни приглашенные имъ гости цѣнители, въ числѣ которыхъ были Н. В. Станкевичъ и В. Г. Бѣлинскій, не услышали «Жениховъ» въ этомъ невоздѣланномъ видѣ ¹⁾ Для Гоголя довольно было и одного чтенія: онъ добился на немъ необходимыхъ ему поправокъ и замѣчаній не отъ цѣнителей, а отъ «большей части» слушателей диллетантовъ, отъ той разнохарактерной толпы, мнѣніемъ которой онъ особенно дорожилъ. Повторять чтеніе «Жениховъ» у Аксакова было для него излишнимъ. Гоголь напросился («самъ вызвался», по выраженію С. Т. Аксакова) на чтеніе комедій у Погодина, потому что не смотрѣлъ на нее, какъ на произведеніе оконченное, вполне отдѣланное: она стояла передъ нимъ, какъ модель, ожидавшая новаго настойчиваго труда отъ художника. Поэтъ еще надѣялся, что люди, болѣе его знакомые съ бытомъ, который онъ пытался изобразить въ

комедіи, помогутъ ему нанести живыя краски дѣйствительности на набросанные имъ очерки, нерѣдко блѣдные и неясные. Реальныхъ чертъ свадебнаго обряда въ купеческой средѣ, этихъ бытовыхъ подробностей, согрѣвающихъ картину художника, Гоголь ждалъ отъ Погодина, которому долженъ быть извѣстенъ старинный свадебный обрядъ, и отъ Щепкина, которому такъ близко знакома была современная жизнь, особенно въ тѣхъ среднихъ и низшихъ ея сферахъ, гдѣ старый русскій обрядъ и обычай соблюдались безъ порухи. Въ занимающей насъ обработкѣ «Жениховъ» Гоголь оставилъ въ одномъ мѣстѣ пропускъ, который предполагалъ восполнить впоследствии. Когда всѣ собравшіеся въ домъ невѣсты женихи разѣлись, «подаютъ гостямъ по рюмкѣ вина. Фекла подноситъ. Здѣсь Кочкаревъ со свахой пикируются острыми словами; какимъ образомъ пикируются, я ужъ не помню (пишетъ Гоголь): объ этомъ слѣдуетъ узнать у Щепкина и Сосницкаго, также какъ и объ обрядахъ, какіе при этомъ употребляются у купцовъ. Они могутъ, пожалуй, посоветоваться объ этомъ съ Погодинымъ, знающимъ этотъ бытъ, и пополнить такимъ образомъ эту сцену». Жаждой необходимаго для художника знанія русской жизни, русскаго быта, русскіихъ людей старалъ поэтъ реалистъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ кончился для него романтической періодъ юности. Въ томъ же 1835 году, приступая къ первымъ наброскамъ «Мертвыхъ Душъ», Гоголь ищетъ „хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись“ ¹⁾. Позднѣе онъ старается добыть экстракты изъ дѣлъ, докладныя записки, поручая Прокоповичу попросить о подобныхъ бумагахъ И. Г. Пащенко, который «можетъ похитить изъ своей юстиціи» ²⁾. Свѣдѣній о духовной статистикѣ Россіи Гоголь требуетъ отъ друзей, знакомыхъ, наконецъ отъ всей читающей Россіи...

Возвратившись въ Петербургъ, Гоголь снова садится за полную, отъ начала до конца, переработку «Жениховъ». Ряды сплошныхъ поправокъ и дополненій дѣлятся надъ строками рукописи, читанной въ Москвѣ. Эта новая обработка переписывается въ одинъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1835 года, и Гоголь несетъ новую рукопись на судъ Пушкина ³⁾. Передѣлки не останавливаются. Не ранѣе, какъ 29 апрѣля 1836 г. Гоголь увѣдомляетъ Щепкина: «Комедію мою, читанную мною въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Женитба», я теперь передѣлалъ и переправилъ, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путное. Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ, что, кажется, случает-

¹⁾ Русскій Архивъ 1880 г., II, 514.

²⁾ Русское Слово 1859 г., № 1, стр. 106.

³⁾ Русскій Архивъ 1880, II, 514.

ся въ одно время года. Стало быть, вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу ¹⁾. Щепкинъ, уже получившій печатный экземпляръ «Ревизора», горячо благодарить за «Женитьбу»: «Спасибо вамъ за подарокъ пьесы для бенефиса. Вѣрите, что такое одолженіе никогда не выйдетъ изъ моей старой головы». Обрадованный артистъ спѣшитъ получить отъ Сосницкаго комедію. 7 мая того же 1836 года онъ пишетъ ему о Гоголѣ: «Онъ намъ подарилъ пьесу на бенефисъ и потому, если получишь отъ него, то поторопись объ цензурѣ и потомъ доставь мнѣ, разумѣется, переписавъ». Но Сосницкій взглянулъ на «Женитьбу» въ передѣланномъ видѣ довольно строго. Въ письмѣ отъ 30 мая онъ сообщаетъ Щепкину: «Женитьбу» ты раньше осени не получишь: Н. В. ее взялъ передѣлать. Я побранилъ его за безпечность. Вообрази, что онъ читалъ мнѣ пьесу такъ, какъ она у него была написана прежде, какъ и ты знаешь ее. Двѣ прекрасныя сцены не могутъ искупить цѣлой комедіи, а комедіи-то и нѣтъ. Сюжета никакого: Богъ знаетъ, зачѣмъ люди приходятъ и уходятъ. Онъ мнѣ въ оправданіе говорить, что она у него написана три года назадъ. Я ему отвѣчаю, что зритель и критикъ этого не хочетъ знать, хоть бы она была писана 10 лѣтъ назадъ, а потребуетъ отъ васъ отчета, почему вторая пьеса еще слабѣ первой. Ну, онъ согласился со мною и обѣщалъ передѣлать всю совсѣмъ. Я ему далъ нѣкоторыя смѣшныя идеи объ обычаяхъ купеческихъ невѣсть. Онъ беретъ комедію съ собою ²⁾ и мѣсяца черезъ два ее вышлетъ. Какъ я получу и она выдетъ изъ цензуры, то ты тотчасъ получишь ее». Щепкину пришлось подчиниться волѣ автора комедіи. 3 іюня онъ, между прочимъ, писалъ Сосницкому: «Что же касается до пьесы Н. В. Гоголя, то ежели онъ взялъ ее переправлять, — нечего дѣлать, будемъ ждать» ³⁾. Едва истекъ срокъ, назначенный Гоголемъ для возвращенія «Женитьбы», Щепкинъ уже пишетъ Сосницкому (4-го сентября 1836 г.): «Теперь о Гоголѣ: гдѣ онъ? имѣешь ли ты о немъ какія свѣдѣнія? Ты, Ваня, сдѣлалъ маленькую оплошность, что оставилъ ему комедію для поправки. Онъ, занявшись другой комедіей, забудетъ о ней совер-

шенно. Ежели ты ее получишь, то ради Бога, тотчасъ переписавъ оную, вышли ко мнѣ, какъ можно скорѣе» ⁴⁾. Время бенефиса Щепкина приближается, и безпокойство растеть въ немъ съ каждымъ днемъ. 22 ноября 1836 года артистъ пишетъ Сосницкому: «Не знаю ничего, получилъ ли ты пьесу отъ Гоголя, которую ваша милость имѣли большую неосторожность отдать ему для переправки. Ежели получилъ, то пожалуйста вышли поскорѣй; а если нѣтъ, и не знаешь ничего объ немъ, то я тебѣ скажу, что онъ въ Лозаниѣ, и я писалъ чрезъ Погодина, чтобы онъ выслалъ свою пьесу хотя безъ поправокъ, ибо у меня до сихъ поръ нѣтъ ничего на бенефисъ» ⁵⁾. Въ декабрѣ у Щепкина блеснула надежда получить «Женитьбу». «Вчерашній день мнѣ сказали (пишетъ Щепкинъ Сосницкому), что у васъ ставится пьеса Гоголя подъ названіемъ «Сваха». Хотя и другое названіе, но это, я думаю, то же, что онъ намъ давалъ. Если это точно правда, что она ставится, то какъ: въ казну, или кому-либо на бенефисъ? Если — въ казну, то пожалуйста извѣсти, что дирекція за оную платитъ; если же на бенефисъ кому-либо, то попроси у бенефицианта переписать и вышли: отъ этого никакой помѣхи, я думаю быть не можетъ, ибо мой бенефисъ 8 февраля» ⁶⁾.

Не скоро дождался Щепкинъ передѣланной «Женитьбы». Только въ концѣ 1839 г., или въ началѣ 1840 года окончена была передѣлка, задуманная въ 1836 году. Въ февралѣ 1841 г. Погодинъ извѣстиямъ читателей своего журнала, что «комедія *Женихъ* въ двухъ дѣйствіяхъ давно готова» ⁴⁾. 28 ноября 1842 года, когда «Женитьба» уже была напечатана въ собраніи сочиненій Гоголя, Щепкинъ получилъ отъ автора комедіи документъ, удостоверяющій, что «все драматическія сцены и отрывки, заключающіеся въ четвертомъ томѣ его сочиненій, принадлежать ему (Щепкину) и онъ можетъ давать ихъ, по своему усмотрѣнію, въ свои бенефисы» ⁵⁾. Въ числѣ этихъ драматическихъ произведеній была и «Женитьба».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Тихонравовъ.

1) Сочиненія и письма Гоголя V, 254.

2) Т.-е. за границу.

3) Записки и письма Щепкина, стр. 183.

1) Тамъ же, стр. 184.

2) Тамъ же, стр. 185.

3) Тамъ же, стр. 186.

4) Москвитинъ 1841, часть I, № 2, смѣсь, стр. 616.

5) Сочиненія и письма Гоголя V, 501—502.